

Автор: преподаватель ГПОУ ТО
«Тульский педагогический колледж»
Загурская Н.С.

За двоих

Ну что ты, милый, смолк на полуслове?
Прошу тебя, ты только не молчи!
У нас с тобою впереди такое,
О чём поют ночами соловьи.

Держись за жизнь со всею своей силой,
А я тебе, родимый, помогу.
Какой же ты, солдатик мой, красивый,
Как снегири с рябиной на снегу.

Не думай даже, смерть тебя не тронет!
Тебя я с поля боя унесу.
У нас с тобою жизнь как на ладони,
А может даже свадьба на носу!

Грохочут взрывы, пролетают пули,
Вокруг огонь и ядовитый дым.
Сестра выносит раненого с поля.
Ему ли жизнь оставить молодым?!

Ему ли, не изведавшему счастья,
Быть сломленным нагрывшей бедой?
И потому сестричка обещает
Ему надежду, радость и любовь.

Осталось лишь два шага до спасенья,
Ещё рывок, и вот он – медсанбат...
Наверно, всё зависит от везенья...
Случайный выстрел, смерть, застывший взгляд.

Сестра собой солдатика прикрыла.
Ему ещё на этом свете жить
И за двоих со всей своею силой
Надеяться, и верить, и любить!

(10-11.04.10)

Суд над палачом

Он когда-то был чьим-то сыном,
Чьим-то мужем и чьим-то отцом,
Молодым, несказанно красивым,
Не поддонком и не подлецом.

Он всегда улыбался соседям,
Целовал на прощанье мать.
Почему же он стал убийцей?
Кто его научил убивать?

На Нюрнбергском процессе долго
Говорил он, что защищал
Тех, кто был ему очень дорог,
Что он близких своих спасал.

Но вставали жертвы без счёту
И смотрели глаза ему:
-«Разве тебе угрожали,
Убивали твою семью?»

Разве мы врывались среди ночи
В твой уютный заснувший дом,
Забирали семью, а вещи
Перевёртывали вверх дном?

Разве мы в твою мать стреляли,
Защищавшую спящих внуков?
Разве мы отправляли в лагерь
И жену и детей на муки?

Мы бесчестили их и пытали?
Мы сжигали в печах их без счёта?
Кто решил, что убийство невинных –
Это тоже такая работа?

Все ли живы в логове зверя,
Мать, жена и детишки-волчата?»-
-«Да, все живы...»- ответил тихо
И как будто бы виновато.

-«Я не знает, как всё случилось.
Верно, что-то внутри сломалось,
Потому что от целой жизни
Только кладбище и осталось.

Бесконечное, до горизонта,
Без могил, без крестов, без соборов.
Сотни, тысячи, миллионы
Мной казнённых без приговоров.

Я не буду просить прощенья...
В этом слове не вижу смысла...
Да, я был палачом и убийцей,
И такое не может проститься.

(10.04.10)

Отец вернулся с войны

У нас сегодня радость и веселье —
Отец вернулся раненый с войны.
Приходят, улыбаются соседи:
«Ну, что вы приуныли, пацаны?»

Теперь вам будет на кого равняться,
За помощью заплаканным бежать,
Чьего ремня за шалости бояться,
И с кем оставить ласковую мать.

Теперь-то заживёте вы в достатке!
За папкой как за каменной стеной!»
А у дверей стоять осталась палка,
Которая была ему ногой.

Сидит на лавке, старый и угрюмый,
А ведь ему пока нет тридцати,
Казалось бы, вся жизнь, как на ладони,
Но вот уже и некуда идти.

Куда ему калеке-ветерану?
Ни в армию, ни в цех, не на поля...
И вскрыются заращенные раны,
И запылает под ногой земля.

Герой, чья кровь в уплату за победу
Ни раз, ни два, а сотни раз лилась,
Который столько мук успел изведать,
Что вечная душа надорвалась.

Кому теперь такой он будет нужен?
Жена с детьми испуганно глядят,
А он ведь был когда-то нежным мужем
И ласковым отцом был для ребят.

Да, он герой! Да, ордена сияют
На иссечённой ранами груди,
Но он пока, увы, ещё не знает
Куда и для чего ему идти.

(11.04.10)

Мальчики

Маленький мальчик играл на обочине,
Строил кораблик в скорлупке яичной.
Много в мире долгов неоплаченных,
Жестокости, горя, молвы безразличной.

Мимо солдат проходил, тоже мальчик,
Стройный, безусый, по-детски красивый
И сапогом оттолкнул он ребёнка,
Чтоб под ногами не ползал счастливый.

Этот солдат прошагал пол-Европы,
Сильный, уверенный, дерзкий и смелый,
Он воевал по велению Рейха,
Сражался за общее важное дело.

Он убивал стариков и старушек,
Женщин бесчестил, стрелял по детишкам.
В сущности, тоже пока ещё мальчик,
Самый обычный немецкий мальчишка.

Он убивал, и в душе его детской,
Некогда чистой, как первый подснежник,
Без счёта ложились рваные раны.
«Выкормыш волчий, фашистский
припешник!»

Вслед ему женщины грубо кричали,
Девушки в спину кидались камнями.
Он бы мог быть женихом, и с невестой
Его бы друзья возле храма встречали.

А вместо этого - форма и каска,
Пыльный сапог, автомат и граната.
Мальчику, что играл у обочины,
Жизнь оборвал плевков автомата.

Так не должно быть! Есть в этом ошибка,
Страшная, напрочь лишённая смысла.
Мальчики, даже такие и разные
Должны жизнь прожить благородную,
чистую.

Вырасти, стать молодыми мужчинами,
Жениться, детишек растить несмышленных
И никогда, даже в детских кошмарах,
Не видеть войною себя опалённых.

(11.04.10)

Автор: преподаватель ГПОУ ТО
«Тульский педагогический колледж»
Загурская Н.С.

Мы будем жить!

Свечной огарок слабенько чадит
И огонёк его уже едва заметен,
Но силы есть пока, пускай ещё горит,
Как светоч в полутьме идущим ясно светит.

Мы будем жить, пока по ледяной дороге
Спешат на помощь к нам бойцы с большой
земли.
Мы будем жить с тобой, и уповать на Бога,
И пусть от этих слов беснуются враги.

Мы будем жить в заснеженных квартирах
За окнами в морозных кружевах.
Мы будем жить для радости и мира,
Сжимая пайку хлебную в руках.

Мы будем жить, не думая о пище,
О холоде, о сне и о воде.
Бомбардировщик с неба жертву ищет,
Но затемнение развешено везде.

Мы будем жить не вопреки, а ради
Грядущей жизни светлой на земле,
А если сгинем, старые тетради
О нас расскажут миру, о беде...

О той беде, что унесла в могилу
Прохожих мирно шедших по делам,
Соседей по нетопленным квартирам,
Племянниц, бабушек, сестёр, детей и мам.

Пусть те, кто выживут, расскажут непременно
О том, как сильно мы хотели жить,
Как зажигали мы свечной огарок,
Чтоб путь к спасенью близким осветить.

(11.04.10)

Я вернулся

-Ну что ты плачешь, мама, я вернулся.
Пусть не такой, как все, но всё таки живой...
И сын её печально усмехнулся,
Пытаясь до волос достать культёй.

Он был мальчишкой с озорною чёлкой,
Но в кудри вдруг закралась седина.
Он обнимался с бойкою девчонкой,
Теперь с ним обнимается война.

Прижалась потемневшею щекою
К его обветренной щетинистой щеке
И тянется костлявою рукою
К ещё здоровой молодой руке.

Раздался взрыв, как водится случайно,
И в дымном мареве, не видя ничего,
Он чувствует, как в рукаве рубахи
Волчица-боль грызёт его плечо.

Потом провал неведомо насколько,
А рано утром в белых простынях
Лежит культя – обрубок, да и только,
И рядом друг стоит на костылях.

Но если присмотреться зорче к койке,
То подле мальчика, уткнув лицо в плечо,
Лежит война в потёртой гимнастёрке
И от лица её ужасно горячо.

Он будет зубы стискивать до боли,
Чтоб никому не выдать, что порой,
Пустой рукав он щупает ладонью
И чувствует, как двигает рукой.

-Ну что ты, мама, плачешь, - я вернулся.
Пусть не такой, как все, но всё таки живой...
И парень как-то странно усмехнулся,
Давясь непрошеной предательской слезой.

(25.02.2000)

Молодым фашистам

Люди второго сорта:
Узбеки, цыгане, евреи,
Калеки, женщины, дети –
Ответить, увы, не сумеют.

Их можно топтать ногами,
Плевать в их трусливые лица.
Они ведь слабее прочих,
Над ними можно глумиться.

А кто тебе, мальчик глупый,
Сказал, что ты лучше этих,
В душе ты такой же калека,
Которого дразнят дети.

Ты молод, красив и дерзок,
Ты горд, что живёшь идеей,
Но сердце твоё как камень,
Оно любить не умеет.

Оно превратилось в мышцу
Накаченную, стальную,
Которая видит в людях
Лишь тех, с кем герои воюют.

Но ложные эти герои,
Их подвиг – убийство и горе.
Быть может ты павших дедов
На них променяешь вскоре?...

Ты плюнешь в память предков,
Как в лица плевался слабых
И будешь вскидывать руки
В приветствиях на парадах.

Пройдёшь ты победным маршем
Со свастикой и факелами.
Неужто война вернётся
Твоими, парень, руками?

И мать у окна заплачет:
«Куда ж ты идёшь, сынок?»
А ты ей ответишь жестоко:
« Иду убивать на Восток!»

И снова заплачут дети,
И женщины поседеют.
Подумай, ещё есть время!
Закрой в этот ужас двери!
(12.04.10)

Мать солдата

- Жаль, ты не можешь с матерью проститься.
Через часок она придёт домой.
Ты мог бы у начальства отпроситься
И попрощаться с матерью родной!

- К чему прощанье? Мы придём с победой
Через какой-то месяц или год!
Бахвалился мальчишка и не ведал,
Что в похоронке к матери придёт.

Железный крест – высокая награда,
А встреча с Фюрером – заслуженная честь,
Но только матери наград таких не надо.
Погибшему едва ль замена есть...

Прошли года и в хрониках сражений
Увидит сына любящая мать.
На кадрах пожелтевшей киноплёнки
Он собирался пленных расстрелять.

Её сынок, единственная радость,
Заботливый и нежный паренёк
На стариков нацеливал оружие,
Взводил рукой уверенной курок.

- Не может быть! Мой сын убийцей не был!
Вскричала ошарашенная мать.
Всё это ложь! Такого он не делал!
Его я не учила убивать!

Но молча кадры хроники бежали.
На них стрелял в детей её сынок,
А сердце матери никак не принимало
Того, что он всё это сделать смог...
(12.04.10)

Письмо

Ты писал в заснеженном окопе
На коленях, в отблесках луны,
На сыром листочке из блокнота
Карандашиком, прошедшим полвойны.

И бежали пламенные строки
По бумаге выцветшей слегка.
Страшные кровавые уроки
Не писала крепкая рука.

Более привыкшая к прикладу,
К раскалённому ружейному стволу.
Пару строк надежды и отрады
Отдала заветному письму.

«Здравствуй, милая, сегодня здесь затишье,
И, впервые, посреди войны,
Я заметил, что цветёт подснежник –
Робкий вестник ласковой весны.

Я услышал птичьи пересуды
И звенящий ледяной родник,
И передо мною, словно чудо,
Образ твой немеркнувший возник:

Вот стоишь ты в строгом синем платье
Вместе с сыном нашим у окна,
Ждёшь, когда вернусь я из похода,
Так же как вернулась к нам весна.

Чтобы не случилось в этом мире,
Помни, не нарушить ход вещей!
Я вернусь, и в маленькой квартире
Снова будем жить семьёй своей.

Снова будут праздники и будни,
Станет сын с годами подрастать.
Я вернусь, ты только жди, родная,
Так же как и я здесь буду ждать!»

В этом ожидании великом
Жизни вечной коренная суть...
Дописал солдат и в треугольник
Не успел письмо своё свернуть.

Взрыв за взрывом рядом раздавались,
Пламя снег топило по холмам,
И листок из старого блокнота
Медленно упал к твоим ногам.

Капли крови с снегом в перемешку
На бумаге выцветшей слегка,
Но дошло письмо до адресата –
Голос звал родной издалика.

И теперь, спустя десятилетия,
Внуку строки эти не забыть.
В них вся боль былого лихолетья,
И любовь, которой вечно жить.

(15.04.10)

Мальчишка, заслонивший целый мир

Ушёл на фронт безусым пацаном,
А возвратился он мужчиной зрелым,
И всё-таки с сурового лица
Глядят глаза мальчишеские смело.

В них ожидание несбывшихся чудес,
Задорный смех с хитринкою беззлобной,
Неистребимый острый интерес,
И жажда нового, и страстный зов любовный.

Они хотят по-прежнему всего,
И ищут всё, и всё внутри клокочет,
Но сердце, опалённое войной,
Как следует, служить уже не хочет.

Ему, наверно, нету двадцати,
А на лице глубокие морщины.
Мальчишка, заслонивший целый мир,
Со школьной парты выросший мужчина.

Когда он первым шёл в смертельный бой,
В окопах мёрз и голодал со всеми,
Не думал он, что больше перенёс,
Не говорил о смене поколений.

Он с взрослыми во всём был наравне,
А в чём-то даже лучше прочих старших,
Ведь возраста не видно на войне,
Бывает всем в бою кровавом страшно.

Он пол-Европы прошагал в строю,
Взрослея на привалах и на марше.
И седину столь раннюю свою
Он получил, друзей считая павших.

И вот настал тот самый лучший день,
Весенний день победный в сорок пятом,
И понял он, что может быть теперь
Безусым пацаном, а не солдатом.

И в этой правде смысл бытия:
Война закончилась, и нет причин для битвы.
Мальчишка, заслонивший целый мир,
Глядит на этот мир с улыбкою открытой.

(19.04.10)

Девочка в шинели

Шинель была почти что ей до пяток,
На три размера больше сапоги,
Но шла она в строю как все солдаты
И не просила жалко: «Помоги...»

Она в окопах мёрзлых голодала
И по колени в дождевой воде
На поле боя раненых таскала,
Неся их, прочь от смерти, на себе.

Она была моложе всех подружек,
Но с уважением росли бойцы
К ней обращались: Марья Николаевна,
И улыбались в жёсткие усы.

Внутри в ней было что-то, крепче стали
И потому, когда нагрелся срок,
Собой прикрыла раненого парня
Чтобы дожить он до победы смог.

Несли всем миром Марью Николаевну
На выцветшем прострелянном плаще,
Она ж шептала: «Не пишите маме!
Она волнуется безумно обо мне...»

И не стесняясь, плакали солдаты
Над умирающей девчонкой-медсестрой,
Несли её всем миром к медсанбату
И понимали – кончен этот бой.

Как и просила Маша, её маме
Не стали похоронку отсылать,
И лишь спустя четыре поколения,
Позвали в сельсовет седую мать.

Она явилась, поборов волнение:
- «От дочки милой весточка пришла?» -
- «Гордись, Матвеевна! Орден за Отвагу –
Награда важная тебя у нас нашла!»

-«А я, сынок, нигде не воевала...
Моя отвага прочим не видна...»
«Матвеевна, это дочь твою посмертно
Награда та печальная нашла...»

Мать покачнулась, побледнели щёки
И сердце сжалось в горестной тоске:
-«Ну, что ж ты, дочка, мать не пожалела!
О всех подумала, но лишь не обо мне...»

(23.04.10)

* * *

Она была совсем ещё девчонка
С косичками на тощеньких плечах,
В короткой легкомысленной юбочке,
С веснушками на розовых щеках.

Она назад откидывала чёлку,
Чтоб с вызовом взглянуть врагу в глаза
Она была совсем ещё девчонка,
Забавная певунья-стрекоза

Когда палач выкручивал ей руки,
И офицер до хрипоты орал,
Она в лицо смеялась им и муки
Сносила так, что немец зарыдал.

Когда же утром, прямо возле школы,
На турнике повесили её,
Спросили все: «За что она страдала?»
«За то, что сердце детское своё

Она открыла грянувшему горю,
Что не могла девчонка промолчать,
Когда пришли фашисты и при классе
Учительницу стали избивать».

Они кричали: «Старая еврейка!
Чему ты учишь будущих солдат?»
Толкали женщину, пинали сапогами,
Ко лбу ей приставляли автомат.

Притихли дети, страх сковал им души,
И лишь девчонка хрупкая одна
Смотреть такое не могла и слушать –
За женщину вступилась лишь она.

Певунья вспомнила - когда-то был сентябрь,
Входили дети радостные в класс
И их учительница старая встречала,
От них не отводила добрых глаз.

Как многому она их научила,
Как душу им открыла не таясь,
Так неужель она не заслужила,
Чтоб на защиту ученица поднялась?

Пускай её заступничество слабо -
Лишь тонкий голос в общей суете,
Зато он был услышан и добавил
Ещё любви хоть каплю на земле.

Он был сильнее самых мощных пушек,
Он был острее заточенных клинков,
Услышанный и понятый повсюду,
Один из миллиона голосов.

(21.04.10)

Пока живём...

За окном опять встаёт рассвет,
Правда, он не радуется ни сколько.
В мире, где надежды вовсе нет
Новый день, лишь новый день - и только.

Надзиратель с палкою придёт
И начнёт нас бить по тощим спинам,
А того, кто долго не встаёт,
В карцер, живо! – есть на то причина.

Слева просыпается сосед –
Он ещё денёк-другой протянет.
Справа же уже соседа нет –
Умер он, счастливый, и не встанет.

Кожею обтянутый скелет
На работу больше не потащит.
Жизни нет, а, значит, смерти нет
В прошлом, будущем, и, верно, в настоящем.

Вот ведь, бедолаге, повезло!
Он уже отмучился – и к Богу.
Отправляется неспешно в небеса,
Кровью оплатив свою дорогу.

Ну а мы, тем временем, живём,
Переносим пытки и побои,
Зачерствевший цвельный хлеб грызём,
На работу ходим, и в покое

Нас оставят только лишь тогда,
Когда сердце перестанет биться,
И из сломанной темницы наших тел
Души поспешат освободиться.

А пока мы из последних сил
Жизнь свою удерживаем злую,
Нас хотят сломить и растоптать.
Не дождётесь! Мы ещё воюем!

Пусть наш бой без ружей и клинков,
Но зато не меньше в нём потери.
Будем мы в строю, пока живём!
Будем жить, пока в победу верим!
(19.04.10)

Лист из школьной тетради

Здравствуй, милая, нынче затишье, -
Видно, враг утомился стрелять.
Я нашёл лист из школьной тетради
И письмо тебе сел написать.

Вот ведь штука?! В таких же тетрадках
Я ошибки вчера исправлял
И опасною красною ручкой
Замечания чётко писал:

«Невнимателен...! Будь аккуратней...!
Не ленись...! Всё обдумай...! Ищи...!», -
Где теперь те мальчишки, которым
Я писал наставленья свои?

В 41-ом мы вышли из класса
И за общее дело взялись
«Невнимателен...! Будь аккуратней...!
Всё обдумай...! Ищи...! Не ленись...!».

А сегодня в промозглом окопе
По колено в воде и грязи
На случайном листе из тетради
Я пишу эти строки свои.

Кто ошибки проверит в них строго,
Красной ручкою всё зачеркнув?
Я не верю в всемогущего Бога,
Но, порою, к прикладу прильнув,

И глядя в щель стального прицела,
Знаю, рядом мальчишки мои –
Я молюсь, чтоб они уцелели
И вернулись за парты свои.

В этой странной молитве ни строчки,
Только вера, что могут спастись!
«Невнимателен...! Будь аккуратней...!
Всё обдумай...! Ищи...! Не ленись...!».

Вот такое письмо получилось,
Извини, о тебе не спросил...
Это всё лист из школьной тетради –
Он неслышно со мной говорил.

Ты поймёшь, я уверен, родная,
И простишь, если что-то не так.
Слышу, отдан приказ: «По окопам!».
Напишу ещё после атак.
(29.04.2012)

Жертвам холокоста

Спи, мой милый, этот долгий день
Наконец закончился и всё же
Был он на другие непохожий –
Этот бесконечно долгий день.

Спи, мой милый, ничего не бойся,
Обними меня сынок скорей.
В этом мире тот, кто не еврей,
Властвует, но ты его не бойся.

Спи мой милый, жёлтая звезда
На груди твоей уже нашита,
Чтоб никто не спрятался, забытый,
У младенцев жёлтая звезда.

Мы идём дорогою печали.
Спи, мой милый, это не впервой...
Главное, чтоб нас с тобой встречали
Те, кто душу видят за звездой.
(14.04.10)

Ангелы в поношенных шинелях
Ангелы в поношенных шинелях,
В стоптанных пудовых сапогах –
Подрасти, порядком, не успели,
А уже мозоли на руках!

И идут они по бездорожью,
В лужах боевой чеканя шаг, -
Ангелы в поношенных шинелях,
В стоптанных пудовых сапогах.

Воинство пернатое на марше –
Крылья белоснежные в пыли –
Помнит выпускной ещё вчерашний
И признание первое в любви.

Но сердитый взводный крикнет: «Воздух!», -
Смерть завидев страшную вдали...
Воинство пернатое на марше
В придорожной корчится пыли...

Сломаны сверкающие крылья,
Лица боль выпиты до дна.
В ангелов в поношенных шинелях
Превратила мальчиков война.
(2010)

Бой с памятью

Мне кажется, порою, в тишине,
Что где-то на границе небоската,
Как будто неумолчный вешний гром,
Гудят зениток гулкие раскаты,

И всполохи далёкие зарниц
Видны над деревенским сонным лесом,
И бой идёт за эту высоту
По численности с вражьем перевесом,

И раскалённый стиснув автомат,
Не чувствую ни боли, ни досады,
И каждый миллиметр родной земли
Как крепость будет сдерживать осаду.

Смахну рукою проступивший пот,
Чтоб он не застил взгляда на прицеле,
И тут ловлю себя на мысли: «Тот ли год?!
И надо ли стрелять теперь по цели?!

Передо мною мирные поля,
Река, и лес, и высота у края –
Я каждый день, как много лет назад,
На этой высоте друзей теряю!

Я силюсь каждой клеточкой понять –
Война закончилась...! Страна непобедима...!
И всё-таки, порою, в тишине
Я с памятью свой бой веду незримый.
(29.04.2012)

Довоенный мотив

С заезженной старой пластинки
Звучит довоенный мотив.
Он нежен, задумчив, печален,
Пронзительно, грустно красив.

В его незатейливых нотах
Недавний звенит выпускной,
Гудок над стенами завода,
Признанья под полной луной,

И марш Мендельсона бравурный,
Счастливый младенческий крик...
На дымных развалинах дома
Тот звук как-то странно возник.

Прямым попаданием бомбы
Разрушена мирная жизнь,
И лишь тот мотив довоенный
Летит в смертоносную высь.

Там мессеры кружат над домом,
Ища свою жертву с небес,
А голос до боли знакомый
Про венский поёт дальний лес.

И патефон-трудяга
Не может никак забыться –
Сказка венского леса
Над смертью и горем струится.

И кружится в праздничном вальсе
Невидимых пар череда,
А рядом железным маршем
Проходит по жизни война.

Корёжит она и топчет
Прошлого светлый сон,
И вместо волшебной песни
Звучит над руинами стон.

- Спасите! Спасите! Спасите!
Спасите скорее нас!
- Живите! Живите! Живите!
Завтра, вчера, сейчас.

Боритесь! Боритесь! Боритесь!
Покуда вам хватит сил!
- Живите! Живите! Живите...
Раздался повторный взрыв...

И в тишине крошечной
Не слышно теперь ничего...
- Живите! Живите! Живите!
Нелепой смерти назло!

С заезженной старой пластинки
Звучал довоенный мотив.
Он был обличающе честен
И страшен как первый взрыв.

(27.04.10)

Письмо внуку

Здравствуй, мой неведомый потомок.
Далеко ли, близко ль ты живёшь?
Из веков, как будто из потёмок
Проступают слёзы или дождь.

Я гляжу незрячими глазами
В темноту, скрывающую нас -
То ли это полночь над веками,
То ли предрассветный трудный час.

Кто ты, что живёшь за нас и дышишь?
Чем ты освещаешь жизни путь?
Неужели ты меня не слышишь?
И не хочешь в прошлое взглянуть?

Я сегодня выбрал миг затишья,
Чтоб к тебе направить дум полёт.
По листу рука неспешно пишет,
А душа соловушкой поёт.

Может, ты мои четверостишья,
Прочитаешь разом в новый год?
И тогда понятнее и проще
Станет всё, что он тебе несёт.

Миг настанет, - ты меня услышишь,
Через годы руку протянув,
Не в листы, исписанные мелко,
В мою душу честно заглянув.
(02.12.2014)

Поклонись

Если память твоя не засыпана пылью времён
Не истлела, как саван давно позабытых могил,
- Поклонись до земли тем, кто счастье твоё отстоял!
Поклонись тем, кто умер, и тем, кто пока ещё жив!

Поклонись тем, кто жизнью своей, как и ты дорожа,
Не скрывался при этом за широкой, быть может, спиной,
И к земле пригибаясь, от липкого страха дрожа,
Шёл вперёд, увлекая жестокую смерть за собой!

Поклонись тем, кто грудью своей заслонил твой покой,
Кто рискнул, кто прорвался, кто стал на пути у врага,
Кто когда-то такой же, как ты - озорной, молодой —
Сделал шаг и в бессмертье ушёл, поменявшись с тобой!

Если память твоя не засыпана пылью времён
Не истлела, как саван давно позабытых могил,
- Поклонись до земли тем, кто жизнью своей рисковал,
Чтоб однажды и мы совершить тоже что-то могли!

(02.05.2012)

Разговор с прадедом

Ну, что, мой прадед? Годы - ни пальто,
Ты их не сбросишь, если будет трудно.
Я очень рассказать тебе хочу,
Как жизнь свою мы тратим безрассудно.

Что каждый день такой же как вчера,
А завтра будет так же как сегодня,
И, кажется, порою, всё равно,
Что нынче – выходные или будни,

Поесть побольше, выпить, что нальют,
Купить всё то, что видим мы в рекламе.
Все чаще думают о том, чего жуют,
Чем вспоминают об отце и маме.

Проходят мимо слабых и больных,
Спихнуть с пути их норовя локтями.
Скажи, мой прадед, в прошлом у себя
Ты думал, что мы будем мертвецами:

Ни душ, ни тел, ни пламенных сердец,
Ни глаз сверкающих любовью к Отчизне,
Скажи, мой прадед, зная нас таких,
Ты жизнь бы отдал ради нашей жизни?

Молчанье ни о чём не говорит...
На старой карточке ты, как всегда, спокоен,
Но знаю точно – нашей жизни щит
Ты, прадед мой, - заступник, друг и воин!

Там далеко, за горизонтом лет
Погиб в бою неравном – неизвестным,
Не думал ты, что в вечности седой
Потомки о тебе слагают песни.

Ты просто жил, любил и был любим,
Что может быть прекраснее на свете?!
Ты нас собой от смерти заслонишь
И этим всё сказал грядущим детям!
(30.11.2014)

Тропинка сбегает с крутого пригорка
И с берега прыгает прямо в ручей,
Нырнув, поднимается снова на гору,
Чтоб сверху взглянуть на лесочек под ней.

Но если спешить никуда не придётся,
И хочется свежего ветра вдохнуть,
Ты здесь остановишься, в дали вглядишься,
- И вдруг, словно холодом, стиснется грудь.

На самой вершине, под солнцем и ветром,
Как будто бы в вечном дозоре стоит
Солдат молодой на зелёном пригорке,
Одетый в суровый холодный гранит.

Он зорко глядит на далёкие рощи,
Дороги, деревни, поля и холмы.
Отвагой исполнены светлые очи,
Тревогою скованы лика черты.

Стоит он на страже родимых просторов,
Чтоб враг не посмел их жестоко топтать,
И кажется, будто такого героя
Могли только в сказках волшебных создать.

Но прежде, чем стать на гранитной заставе
Страны охранять вековечный покой,
Солдат этот был мальчуганом вихрастым,
Мечтателем был, шалуном, егозой!

Единственным сыном в семействе обычном,
Где мать и отец на работе горят,
Не то чтобы троечник, но не отличник...
Во всём заводила для сельских ребят.

За партою первой сидел он не смиренно,
Но, как же мечтателен взгляд его был,
Когда о далёких неведомых странах
Учитель рассказ свой, порой, заводил!

Тот мальчик мечтал о тяжёлых походах,
О землях, открытых на благо страны...
Не знал он, что будет подбит на излёте
Прекрасной и светлой мальчишьей мечты!

Война подступила к родимым пределам,
И кто же пошёл добровольцем на фронт?!
Конечно парнишка с улыбкою смелой,
Который мечтой о походах живёт!

И в день, когда бой был и первым, и страшным,
Рванулся вперёд, как обычно привык,
И взор его был и уверен, и ясен,
И был так прекрасен мальчишеский лик!

И выстрелом первым сражённый в атаке,
Навечно остался он в этом строю,
Отдав за потомков, живущих на свете,
Счастливую жизнь молодую свою.

И вот на пригорке, поросшем травой
Стоит на своём бесконечном посту
Мальчишка вихрастый с огромной душой,
Собой закрывший родную страну.

Ему улыбается ясное солнце,
И песни весёлые ветры поют,
И все, кто пройдут, постоявши минуту,
В молчании честь пареньку отдадут.
(02.05.2012)

«Я выжил!»

Я в 41-ом выжил неспроста –
У Бога на меня большие планы.
И хоть рвалась крылатая душа
Меня покинуть чрез сквозные раны,

Я не погиб, я выжил сотни раз,
Пройдя сквозь боль и страх боёв суровых.
Я выжил, чтоб однажды написать:
«Рейхстаг повержен! Не отстроить новый!».

Я выжил, чтоб вернуться в отчий дом
В прокуренном победном эшелоне,
На полустанке встреченный любом,
Как самый главный долгожданный воин!

Я выжил, чтобы хлеб в полях растить,
И чтоб встречать с любимую рассветы!
Я выжил, чтобы страстно мир любить,
И каждый жизни миг ценить за это!

(12.04.2015)

Ей бы замуж за красавца,
Ей бы детушек растить,
Ей бы поздно после танцев
В дом отцовский приходить!

Только вот, война-злодейка,
Рассудила без затей –
Сапоги и телогрейка
Вместо тувелек на ней!

Ей бы в беленьком халате
Пыль с пробирок протирать,
А не в шумном медсанбате
На себе бойцов таскать!

Ей бы песни петь как птице
Среди яблоней в цвету...
Только: «Дай воды, сестрица...!».
Только: «Больше не могу...!».

Только боль и смерть повсюду,
Кровь и стоны целый день,
Но и здесь есть место чуду,
Если жить ещё не лень.

И когда от жизни этой
Мужики без чувств лежат,
Развесёлые куплеты
Напевает медсанбат.

Ей бы замуж за красавца,
Ей бы детушек растить,
А она меж операций
Учит раненых шутить.

И когда уже нет силы,
И надежда умерла,
Нежный голос и красивый
О любви поёт слова.

О далёкой и прекрасной,
И о близкой и родной.
После этих слов не страшно
И к врачу на стол и в бой!

Ну и пусть, война-злодейка!
Ведь она не навсегда!
Выйдет замуж за красавца
Медицинская сестра!

Дом ей будет полной чашей,
Рады всем – кто заглянул!
Только б раненый вчерашний
До рассвета дотянул...!

Ей бы замуж за красавца,
Ей бы детушек растить,
Ну а как любить и верить –
Ни её нам всем учить!

(11.04.2015)

